

Проблема конфликта в современной прозе не часто затрагивается в текущей критике. Однако именно анализ этой литературной категории позволяет вскрыть существо сталкиваемых, персонализированных в образах авторских идей, значительность и глубину затронутой проблематики. Критик А. Бочаров, говоря о некоторых произведениях, опубликованных в журнальной периодике, рассматривает их конфликтные ситуации в русле тех положений, которые содержатся в постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства»: утверждение в литературе советского образа жизни, норм коммунистической нравственности, красоты и величия наших моральных ценностей, воспитание любви к труду, развенчание потребительской психологии.

КОНФЛИКТ, бесспорно, одна из самых прихотливых литературных категорий: все ее признают, но далеко не всегда обнаруживают.

Так ли уж редко мы воспринимаем и рассматриваем произведения как некую портретную галерею персонажей — положительных, отрицательных, «амбивалентных», — не вдаваясь в суть тех конфликтных отношений, в которых они себя выявляют и которыми они друг с другом связаны?

Есть к тому же одна особенность конфликта, которая стала осознаваться нами в последние годы с особенной ясностью: он должен таить в себе более обширный смысл, чем наглядно развернутое столкновение конкретных противоборствующих сил. Непосредственно воплощающий это противоборство конфликт организует действие произведения, сюжетные связи между эпизодами и персонажами; его можно условно назвать повествовательным. А есть еще конфликт, существующий в сфере авторских идей, в сфере тех нравственных и философских воззрений, которые связаны с авторским осмыслением действительности, с ходом авторской мысли; столь же условно он может быть поименован духовным.

Почему я разделяю — хотя отнюдь не разрываю — их?

Как бы тесно ни были связаны изображение с осмыслением, конфликт действия с конфликтом идеи, они все-таки не являются понятиями идентичными, взаимопоглощающими. Конечно же, идея реализуется прежде всего в действии, но, как мы знаем, не только в нем, а и в авторских отступлениях, в совмещении временных пластов и т. д. и т. п. А с другой стороны не редки случаи, когда стилистично, подсознательно уловленная художником правда жизненных противоречий выводит изображение за рамки собственно авторского осмысления, объективные философские и нравственные выводы оказываются шире картины.

Соединение, совокупность этих двух конфликтов рождает художественную целостность и художественную значительность повествования. Обычно произведение бывает тем значительнее, чем содержательнее оказывается заложенная в нем основа для глубинного осмысления, когда словно начинает звучать какая-то туго натянутая невидимая струна.

Если можно позволить себе каламбур, то я бы сказал так: дыхание современности создается благодаря дыханию современности — тем духовным токам, которые возбуждаются при знакомстве с картиной. И в возникновении такого дыхания едва ли не первенствующее место принадлежит конфликту, поскольку в нем неизбежно сказывается духовная атмосфера эпохи.

Эти на первый взгляд беспредметные размышления самым непосредственным образом касаются текущей литературной практики.

Что я и постараюсь показать. О. Попцов назвал свою повесть «Банальный сюжет» («Октябрь», № 1, 1982), намеренно подталкивая нас к двуслойному прочтению: сюжет-то банальный, но какой за ним смысл открывается! Сюжет и впрямь не таит большой новизны: как не состоялась свадьба из-за того, что жених был занят делами и не смог вовремя поспеть ни на подачу заявления, ни на саму регистрацию брака, а невеста, естественно, оскорбилась и покинула его.

Дело, стало быть, в духовном наполнении того характера, который ввергнут в этот сюжет, в авторском «надсюжетном» конфликте. Есть ли в нем та необходимая значительность, которая оправдала бы дерзкую полемичность названия повести?

Советской литературе давно

известен драматичный конфликт, связанный с тем, что человеку некогда заняться личной жизнью. Еще в романе «Время, вперед!» В. Катаева инженеру Маргулису за весь день не удалось дойти до котлета в столовой. А от Басова в «Танкере «Дербент» Ю. Крымова ухидила жена, не вынесла его бесконечной занятости делами. И этот «энтузиастический» (производя от слов трудовой энтузиазм) конфликт был вполне реален для 30-х годов. Но попцовского Игоря Строкова уже доминируют досадные случайности, а не всепоглощающее дело.

тип современного «порядочного» человека. Такого, которому неприятно иметь дело со следователем, ибо поделить своими подозрениями означает для него усомниться в ком-то из коллег. Такого, который не хочет вступать в выгодную для карьеры, но нечистоплотную сделку с Морташевым: для Игоря неприемлемо недобросовестное, нечестное продвижение. Такого, который не хочет порвать с шашниками не только из-за денег, а и потому, что лишь он способен в силу своих профессиональных знаний разобраться

много труднее, что на сам поступок порой не хватало сил».

Причем он не только не боец, но и вообще малосимпатичная личность. Хотя бы уже потому, что склонен изъясняться выспренними и назойливыми сентенциями, а это всегда отвращает нас от человека: «Всякая беда имеет свое положительное saldo», «Любое знакомство мужчины с женщиной банально», «Обостренное ощущение новизны делает наши поступки более зримыми — обозначается пространство действия». Ну можно ли почувствовать симпатию к такому зануде? Да еще брюзге: ни в чем он не «угрызает» себя, во всем виноватит других.

Так же ведь обстоит дело и со многими иными героями В. Маканина, А. Курчаткина да и самого О. Попцова: и осуждать их особенно не за что, и радоваться особенно нечему. Как выразился Игорь Строков: «Я не собираюсь разделять людей на достойных лучшей доли и не достойных. Есть данность, с этим приходится считаться». И многое в отношении к таким героям обуславливается нравственной

Попцов запечатлел тип. Это бесспорно и это немало. Но по нынешним временам все-таки недостаточно, ибо подобный тип уже многожды запечатлен, описан, нравственно оценен. И не представляя ли банальность не только сюжета, но и персонажа, автор прибегает к беллетристическим эффектам? То возьмет кое-что от детектива: кто украл оборудование (позднее выяснится, что его по ошибке не з то подвал сгрузили, но зато сколь напуганно-драматичны первые главы!). То прибегнет к мелодраме: бывший друг, когда-то вероломно уведший жену, теперь предлагает нечистоплотную сделку, а когда Игорь отказывается, мстительно заваливает его диссертацию. То обратится к необычному: бригада шабашников, в которой из двадцати семи человек шестнадцать кандидатов наук, — это, согласитесь, явление нечастое. А то понадеется на форсированную образность: она бросила телефонную трубку, «плачущий сигнал в руке, как вскрытый (? — А. Б.) пульс».

Но за этим «вскрытым пульсом» остается сокрытым — для меня, во всяком случае — тот духовный конфликт между идеальным и реальным, который должен запечатлеться в нашей душе от знакомства с Игорем Строковым.

А в повести С. Славича «Конфликт» («Новый мир», № 12, 1981) ошибка, столкновение прямо заявлены уже в заглавии. И, действительно, в основе сюжета лежит конфликтная ситуация, в которую попадает Софья Петровна Забродина, только что назначенная главным терапевтом областного центра. До известной степени это тоже уже привычная для нашей литературы ситуация нравственного выбора в производственной коллизии. Забродина должна решить для себя: дать ли справедливый ответ на пришедшую жалобу и тем вступить в конфликт с некоторыми влиятельными людьми или, немного покрывив душой, не лезть в глубь случившегося и согласиться с объяснительной запиской, в которой сказано, что смерть больного произошла не из-за небрежно поставленного диагноза. То же своего рода банальная история, и тоже, стало быть, как и у Попцова, все дело в реальном наполнении «каркаса».

И в «Банальном сюжете», и в «Конфликте» за нравственным выбором героя стоит угроза страдать в служебном положении. Так ведь и случилось с Игорем Строковым: Морташев завалил ему диссертацию. Неприятности грозят и Забродине. Конечно, тем, кто привык к героике военной прозы, такие страхи покажутся незначительными: подумаешь, понизят в должности, сделают снова палатным врачом — как говорилось в военных повестях, дальше фронта не пошлют... Но ведь такова уж свойство человека: добиваться большего, лучшего и тяжело переживать служебную неудачу, служебное понижение. Да и не столь уж это малая беда в условиях повседневной жизни, когда ценность человека измеряется тем, что он дает по способности, а получает по труду.

И как в «Банальном сюжете» мы видели «перевернутый» производственный роман, где на первое место вышла любовная интрига, так здесь перевернута иная распространенная ситуация: деловой человек здесь — женщина, а гуманитарно образованный, «женственный» — ее муж. Обычно ведь на порядочность в служебной сфере испытываются мужчины, «деловые люди»; и хотя, по статистике, женщин на руководящих должностях много, подобный конфликт является почему-то в прозе прерогативой сильного пола. А здесь даже любовная связь «на стороне» — не у делового человека, а как раз у «бездельного».

В этой «перевернутой» ситуации нет жесткой нацеленности на нравственный выбор героини,

Анатолий БОЧАРОВ

Требуется «узелок», или многослойность к о н ф л и к т а

На подачу заявления он опоздал, потому что в институте произошла кража и его задержали работники милиции, начавшие расследование. А к дню регистрации он намеревался приехать с шабашных работ, куда поехал на лето, но они затянулись, и Игорь решил задержаться — и чтобы получить полную сумму, и потому, что не очень тянуло появляться на кафедре, где у него весной начались нелады после неудачной защиты диссертации. А срываться только ради свадьбы — кто нынче решится на это! Особенно если свадьба должна лишь оформить отношения, давно сложившиеся между Игорем и Верой.

На этом «разлучном» стержне, давшем благодатные возможности для ироничной интонации, столь свойственной современному герою и современной прозе (иронично ведь и само название повести), держится внешний поток повествования.

Очередная спираль свадебных недоразумений перемежается с перипетиями в сфере работы Строкова — того городского интеллигента в возрасте «около сорока», который столь щедро представлен в нынешней «городской» прозе.

Так что перед нами своеобразно перевернутый производственный роман: если там любовная история обычно служит «приправой», разрядкой, интермедией между актами делового конфликта, то здесь, напротив, сквозную сюжетную конструкцию удерживает «свадебный» каркас. А уже на нем закреплены три «производственных» блока: расследование институтской кражи, отношения Игоря с нахлебистым карьеристом Морташевым, работа в бригаде шабашников. Конечно, эти три не связанные непосредственно друг с другом эпизода сцементированы характером героя, тем более, что повествование ведется от имени Игоря, но сквозная событийная интрига все-таки связана с развитием его отношений с Верой.

Попцов вообще хорошо схватывает современные типы — поразительной в этом отношении была его предшествующая повесть «Без музыки». Вот и сейчас он удачно запечатлел

в причинах усадки возведенной ими стены: их ли бригада виновата или предшественники, закладывавшие фундамент. Да и должна же вообще невеста верить на слово, что он по уважительным мотивам не успевает ко дню регистрации?!

Так что и сами эпизоды жизненны, и характер Игоря, каждый раз попадающего из-за своей порядочности в какую-то историю, глубоко типичен. Это все тот же тип порядочного интеллигента, который представлен в разившейся за последние годы «городской» прозе, — тот самый порядочный, который, не стесняясь, признается: «Путь до поступка был для меня столь

ориентацией самого читателя: мне он кажется занудой, кому-то другому — рассудительным. Недаром ведь вспыхивали споры насчет героев Ю. Трифонова, Р. Киреева, В. Маканина. Одни считали этих героев положительными за их порядочность, другие видели в них иронически запечатленные фигуры, ибо не могли поверить, что автору симпатичен такой герой.

Но все-таки зачем представляем нам еще одна вариация на достаточно популярную тему? В чем тот конфликт, что стоит за текстом, над текстом? Конфликт между авторскими представлениями об идеале и реальным положением вещей? Олег

Книжная графика

Из иллюстраций художника А. КРЕТОВА к книге В. Капранова «Забывшая дорога вдаль». Издательство «Молодая гвардия».